

А.Н. Хохлов

ИВ РАН

Дни русской культуры в Харбине до и после 1931 г.

Идея проведения ежегодных всероссийских праздников, посвящённых памяти А.С. Пушкина, впервые возникла среди членов петербургского «Дома литераторов» в 1920 г., и первое празднование «Дня русской культуры» состоялось в Петрограде в 1921 г. при участии Анны Ахматовой, Александра Блока и других видных деятелей российской культуры. В последующие годы торжественное празднование «Дня русской культуры», тесным образом связанное с именем великого русского поэта, объединявшим всех россиян, стало устойчивой культурной традицией всей российской интеллигенции, в том числе русской эмиграции, осевшей в более чем 20 странах мира, где оно превратилось в особый день смотра достижений зарубежных, в том числе и советских, россиян в области науки и культуры. Объединённые общей любовью к А.С. Пушкину и его литературному наследию, россияне-эмигранты разных стран собирались в этот день в различного рода центрах культурно-просветительной деятельности, чтобы вспомнить не только о былом житье в России, которую они по разным причинам оставили, но и поделиться своими мыслями по поводу достижений русской зарубежной культуры и даже перспективах будущего развития советской России. Благодаря прежним связям и духовному родству оказавшихся за кордоном россиян, празднование «Дня русской культуры» постепенно вошло в плоть и кровь Русского Зарубежья, став его могучим объединяющим фактором в духовном противостоянии патриотически настроенной русской эмиграции западному мракобесию и нарастающим фашистским тенденциям в Европе и Азии.

Блестящим примером чествования А.С. Пушкина в Маньчжурии может служить вечерний концерт, подготовленный силами учащих

© Хохлов А.Н., 2014

реального училища православного братства в г. Мукдене. Согласно сообщению харбинской газеты «Русское слово» от 26 июня 1926 г., концерт начался кантатой «Слава Пушкину» в исполнении хора учащихся упомянутого училища под руководством преподавателя Бегичева, которого сменил на сцене преподаватель русского языка Н.Н. Покровский, выступивший с докладом о жизни и литературной деятельности великого русского поэта. В разнообразной программе второго отделения удачно выступил хор учащихся в исполнении сцены «У лукоморья» из оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила», написанный на стихи А.С. Пушкина. Особенно удачной и реалистичной оказалась сцена «Корчма на литовской границе» из оперы «Борис Годунов», в основу которой также был положен пушкинский текст. Примечательно, что на этом концерте присутствовало две группы китайских студентов Северо-Восточного Университета, изучавшие русский язык (вместе со своими преподавателями).

Для празднования «Дня русской культуры» в Харбине в 1927 г., наполненном драматическими событиями в самом Китае (полицейскими налётами на дипломатические представительства СССР, после которых были надолго прерваны официальные контакты между двумя странами до 1933 г.), весьма характерен выпуск однодневной газеты, специально посвящённой великому русскому поэту, чему предшествовало следующее уведомление местной газеты «Новости жизни» от 8 июня:

«Сегодня выходит однодневная газета, посвящённая памяти А.С. Пушкина. В газете будет помещён ряд статей и стихотворений. Газета издаётся по инициативе бесплатной библиотеки-читальни, основанной грузинами [в 1906 г.]. Чистый сбор с газеты пойдёт на покрытие расходов по устройству литературно-музыкального „пушкинского“ утренника в Комсобе [Коммерческом собрании КВЖД] 12 июня».

17 июня та же харбинская газета сообщила о переносе «Дня Пушкина» в Комсобе с 12-го на 17-ое июня с началом планируемого мероприятия в 7 час. вечера.

Интересно и организованно прошёл «День русской культуры» в Харбине в 1930 г., он ознаменовался активным участием в празднике вузовской профессуры из россиян, выступившей с интересными докладами перед студентами и преподавателями разных учебных заведений. Так, проф. Н.И. Никифоров, упомянув в своём выступлении именитых учёных Русского Зарубежья, в том числе востоковеда-египтолога М.И. Ростовцева и известного авиатора Сикорского, подчеркнул, что их успехи были достигнуты в исключительно тяжёлых условиях, вне связей с соотечественниками, работающими в советской стране.

«Ведь эти русские учёные, – заявил лектор, – утратили непосредственную связь с традиционными организациями, обуславливавшими возможность научного творчества – с научными учреждениями и научной средой России. Им пришлось пережить тяжёлый процесс приспособления к условиям новой среды, в которой они были вынуждены начинать новый цикл жизни и деятельности».

Состав русской учёной эмиграции был случаен; различные области науки были представлены в ней неравномерно; пополнение же её рядов происходило различными путями и в разное время.

«В Маньчжурии, – продолжал докладчик, – русские учёные не пользовались никакой правительственной поддержкой, но при помощи местной общественности создали в Харбине русские учебные заведения, давшие возможность продолжать и научно-педагогическую и научно-исследовательскую работу»¹.

Директор гимназии им. А.С. Пушкина в Харбине (в районе Мацзягоу) Н.П. Покровский, выступивший с докладом «А.С. Пушкин и его современники», особо отметил: «С крушением русской государственности [в 1917 г.] обострилось русское самосознание, и с особой любовью оно остановилось на этом дорогом и родном нам человеке [Пушкине], воплотившем в лучших формах родные черты нашего национального облика».

Местный поэт Я. Аракин выступил перед аудиторией любителей поэзии со стихотворением «Живём», которое начиналось приводимыми ниже оптимистическими строками:

С Руси в чужие царства
Гонимы чёрным днём
Ушли мы на мытарства
И всё же мы живём!

В совершенно ином тоне, передающем острую душевную горечь и щемящую сердце тоску по России, прозвучало стихотворение Натальи Демишхан «Моей родине» в «День русской культуры», состоявшийся в Харбине в 1931 г. Вот его начало:

В чужом Китае – с его просторов
Душа стремится в иные дали
Тоскует сердце в великом горе...
Мы здесь – пришельцы. И так устали!

Для истории «Дня русской культуры» в Харбине в указанном выше году интересны статьи музыковеда Льва Терехова и других деятелей культуры, опубликованные в газете *Гунбао*, выходившей в Харбине на русском языке под редакцией интеллигентного китайца. Среди других

публикаций, вошедших в сборник «День русской культуры», изданный Харбинским Комитетом помощи русским беженцам 8 июня 1931 г., помимо указанного выше стихотворения, выборочно укажем для характеристики содержания сборника отдельные статьи Всеволода Иванова: «О сущности русской культуры», И.В. Лавошникова [о. Иакинфа] «Святитель Иннокентий Иркутский (к 200-летию со дня кончины)», А.М. Спасского «Земская медицина» и другие².

Согласно сообщению газеты *Гунбао* от 7 июня, на следующий день (8 июня) в театре «Ориент» вечером должно было состояться торжественное заседание русской общественности Харбина под председательством архиепископа Мелетия с постановкой докладов по истории права в России: проф. Г.К. Гинса «Правовая русская культура и реформы императора Александра II», С.П. Руднева «Пореформенная культура в России» и приват-доцента Н.Е. Есперова «Общественная концепция Ф.М. Достоевского».

Одновременно с этим заседанием 8 июня вечером состоялось торжественное заседание в помещении коммерческого училища (на территории района Пристани), организованное педагогическим институтом, гимназией и Высшей музыкальной школой им. Глазунова по случаю «Дня русской культуры». Программой, состоящей из 4-х отделений, предусматривались в первом отделении доклады: проф. С.В. Кузнецова «Трагедия поэта Пушкина», доцента Шишина «Пушкин в музыке и пении», а также художника Вьюнова «Пушкин в живописи». О том, как прошёл этот «Пушкинский вечер», позволяет судить приводимая ниже информация, появившаяся 10 июня в газете *Гунбао*:

«Вечер начался вступительным словом проф. В.С. Кузнецова. Докладчик обрисовал личность А.С. Пушкина как „солнце русской поэзии“ – по меткому выражению [писателя] Полевого, и великого художника слова, сумевшего отобразить в нём всю сущность русского „Я“... Насколько [глубоко] Пушкин вошёл в русский быт, это доказывается тем, что несколько его произведений стали песнями. Величие Пушкина настолько сильно, что он является даже теперь, в эти бурные годы, символом русского объединения, всенародной душой – от дворца до избы.

После исполненной хором кантаты выступил с весьма интересным докладом на тему „Пушкин в живописи“ художник А.Н. Вьюнов. Последним был доклад доцента В.Т. Шишина... „Пушкин в музыке и пении“».

Как видно из материалов харбинской прессы, концерт в «театре „Ориент“, состоявшийся 8 июня, [после прочтения докладов], привлёк внимание колоссальной публики, перед которой выступил поэт

Грызов-Ачаир, прочитавший своё стихотворение „По странам рассеяния“ [посвящённое русской эмиграции]». Большим успехом закончилось выступление великорусского хора под управлением Заалова.

О вечере русской культуры, состоявшемся 9 июня в «Чураевке» (творческом объединении молодых писателей и поэтов) рассказал Лев Терехов в приводимой ниже корреспонденции, опубликованной 11 июня в *Гунбао*:

«С большим интересом и вниманием прослушала многочисленная „чураевская“ молодёжная аудитория доклад М.А. Талызина об искусстве современной России, в котором он сообщил об издании Госиздатом с 1920 по 1930 г. до 30 тыс. книг (судя по числу их названий). Касаясь оперного репертуара, докладчик подчеркнул, что у рабочей публики наибольшим успехом пользовались оперы „Евгений Онегин“ П.И. Чайковского и „Русалка“. С заключительным словом на вечере выступил А.А. Грызов (Ачаир), обрисовавший задачи и цели „Молодой Чураевки“ в области развития культуры».

14 июля (в воскресенье) состоялось ещё одно крупное (помимо прочих) мероприятие, посвящённое «Дню русской культуры», организованное по примеру прошлых лет русским студенческим обществом. Помимо концерта участникам торжественного заседания были предложены доклады: «Пушкин и Лесков» Н.П. Покровского, «Лик русской культуры» доцента В.Т. Шишина, «Запад и Восток» В.Ф. Иванова. О содержании последнего доклада отчасти позволяет судить информация, помещённая 16 июня в газете *Гунбао* под заголовком «Запад и Россия» в следующем изложении:

«В воскресенье, в „Новом театре“ при громадном стечении публики, состоялось празднование „Дня русской культуры“, организованное местным студенческим обществом... Последним сообщением был доклад В.Ф. Иванова на тему „Русь и Запад“. Этот доклад произвёл впечатление на слушателей как по существу [содержания], так и по форме... и неоднократно прерывался шумными аплодисментами, перешедшими в конце выступления лектора в бурные овации.

Оратор начал свою речь с указания на то, что трагедия современного общества [в мире] лежит в [практическом] исчезновении принципа власти. Народы Запада находятся [сейчас] в состоянии поиска форм своего государственного бытия и не в силах найти эти формы, т.к. под влиянием западной культуры окончательно поколеблен принцип божественного происхождения власти.

Парламентские и демократические формы государственного устройства оратор считает самыми несовершенными, так как при современном парламентаризме и выборном начале к власти приходят [политиканы] путём различных, не всегда честных комбинаций.

По мнению докладчика, Запад претерпел крушение политической организации после торжества в ней демократических начал, достигших своего апогея во времена Вольтера и Жан Жак Руссо».

Из публикаций, посвящённых празднованию «Дня русской культуры» в Харбине в 1931 г., наиболее интересной представляется обзорная статья Льва Терехова под названием «День русской культуры», напечатанная в газете *Гунбао* 11 июня, где находим общую оценку патриотической позиции русской эмиграции в следующем выводе:

«Распылённые ныне по всему земному шару многочисленные осколки русской интеллигенции не роняют, а, наоборот, поддерживают высокое мнение о России, хотя и не вполне понятной для народов неславянских рас, но вселяющей в них уважение к русской культурной самобытности»³.

Как и дни русской культуры, в Харбине 20-х гг. XX в. с большим успехом проходили гастроли многих известных советских артистов, оставивших заметный след в истории культурных связей российской эмиграции. Среди них лирический тенор С.Я. Лемешев (как о нём 5 февраля 1929 г. писала газета «Новости жизни», «блеснувший звучностью и певучестью своего голоса»), исполнительница песен народов мира Ирма Яунзем (в мае 1929 г.), Капелла Маргариты Дмитриевны Агреновой-Славянской (в 1926–27 гг.) и другие не менее именитые деятели искусства, в разное время работавшие в России и за её пределами.

Чтобы лучше представить значение событий 18 сентября 1931 г., связанных с захватом Японией Маньчжурии и последующим учреждением в 1932 г. на её территории Маньчжоу-го, можно обратиться к полученной 13 октября 1933 г. из Токио в НКВД СССР записке В. Лозинского «Япония и Маньчжоу-го» (от 25 сентября 1933 г.), где было сказано:

«Основным результатом этих событий явилось отделение Маньчжурии от Китая и создание „независимого“ Маньчжоу-го, а по существу новой японской колонии».

В военном отношении, как известно, Маньчжоу-го была полностью подчинена Японии в соответствии с условиями японо-маньчжурского протокола, подписанного 15 сентября 1932 г. Согласно

этому протоколу, Япония взяла на себя «ответственность» за оборону Маньчжоу-го и формально узаконила содержание своих войск на территории Маньчжурии с целью как подавления всяких попыток борьбы с японским господством внутри страны, так и защиты новой колонии от внешних врагов⁴.

Для понимания политики Японии в захваченной ею Маньчжурии интересно, на наш взгляд, суждение того же автора – референта советского посольства в Токио В. Лозинского, изложенное в его другой записке (от 30 октября 1932 г.), где сказано:

«Японские империалисты ведут пропаганду о том, что Маньчжурия является „линией жизни“ Японии как с точки зрения экономической, так и с точки зрения обороны. Они усиленно распространяют мнение о том, что благодаря эксплуатации естественных богатств Маньчжурии Япония сможет найти выход из своих экономических затруднений и стабилизировать своё экономическое положение»⁵.

С захватом Маньчжурии Японией осенью 1931 г. и созданием на её территории в 1932 г. прояпонского государства Маньчжоу-го условия проведения «дней русской культуры» серьёзно ухудшились. Об этом свидетельствуют, например, факты ухудшения положения россиян, особенно служащих КВЖД, в отношении которых прояпонские власти приняли целый ряд различного рода ограничений по ущемлению их прежних прав в свободном проведении массовых мероприятий в праздничные дни, принятые не только в СССР, но и в других странах. Для иллюстрации указанных ограничений достаточно обратиться к «Правилам поведения советских подданных, проживающих в Харбине, на собраниях при праздновании дня рабочих [трудящихся] 1-го Мая», полученных в НКВД СССР 15 мая 1932 г., с приведённым ниже русским переводом с китайского:

«1. 1-го мая собрания разрешаются днём, а время их закрытия должно быть не позже 6 час. [вечера].

2. В отношении произнесения речей, согласно ранее установленного порядка, может выступить лишь одно лицо с докладом о целях собрания или с поздравительным словом. Речи, носящие характер пропаганды или затрагивающие политические идеи, не допускаются. Время доклада или зачитываемое поздравление должно быть рассчитано не более как на 20 мин.

3. Музыка, пение, спектакли, кино-картины и другие увеселения не должны содержать в себе пропаганды и затрагивать политические идеи. [Текстовой] материал для пения,

музыки, спектакля и кино-картины должны быть заранее просмотрены и разрешены для показа»⁶.

Аналогичный документ по ограничению массовых мероприятий был принят властями Маньчжоу-го и для празднования дня Октябрьской революции. Этот праздничный день был принят Китайской Республикой на переговорах её представителей с советским послом Л.М. Караханом, предложившим считать этот день национальным праздником Советской России. Для иллюстрации приведём ниже лишь часть этого постановления, полученного НКВД в 1933 г. (в русском переводе с китайского):

«2. При произнесении 6-го ноября речей, согласно ранее установленного порядка, [на собрании] может выступить только один человек с докладом о цели собрания или с поздравительным словом. Время доклада и зачитывание поздравлений должно быть рассчитано не более, чем на полчаса... Содержание речей должно быть представлено [в письменном виде] в Особый отдел Департамента полиции.

3. [Текстовой] материал, предназначенный для прочтения или спектаклей, должен быть заранее просмотрен и разрешён для [публичного] показа Департаментом полиции.

5. а) При украшении зданий распорядитель собрания должен согласовать этот вопрос с полицейским чиновником; б) количество присутствующих лиц [на собрании] не должно превышать количество [посадочных] мест; в) [категорически] не допускаются открытые собрания и шествия на улицах»⁷.

Особенно суровым запретом со стороны местной цензуры подвергались советские документальные фильмы, позволяющие россиянам-эмигрантам следить за событиями, происходящими в соседней России. Согласно телеграмме из Харбина, полученной в НКВД 9 сентября 1932 г., хроника «Парад Первого мая в Москве», несмотря на дважды просмотренную и разрешённую цензурой ленту к показу, была запрещена накануне её демонстрации в двух кинотеатрах города. Об этом было объявлено перед началом сеанса публике, раскупившей все билеты. На запрос советского консульства по поводу случившегося с показом упомянутого фильма, местное Дипбюро ответило, что какая-то высшая цензурная комиссия в последний момент отменила прежнее разрешение, касавшееся демонстрации советской хроники⁸.

Об исключительно строгой японской цензуре в отношении показа советских фильмов можно судить по фактам, изложенным в цитируемом ниже письме советского консула в Харбине Н. Райвида

(от 5 декабря 1934 г.) на имя замнаркома по иностранным делам Б.С. Стомонякова:

«Из фильма о челюскинцах японские цензоры в Чанчуне вырезали:

1) всю встречу челюскинцев в СССР и особенно военный парад, ибо, по словам цензора, нельзя допустить, чтобы публика Маньчжурии увидела советскую боевую мощь и [народные] массы [СССР] в то время, когда здешняя печать пишет о голоде, разрухе и прочих [негативных] явлениях в СССР.

2) Парад спортсменов, по мнению цензора, нельзя показывать, поскольку такое массовое спортивное движение, как в СССР, не существует в Японии в таком масштабе.

3) Портреты героев – советских лётчиков и надписи под ними... могут, по словам цензора, вызвать аплодисменты публики, а этого нельзя допустить...

В фильме (в форме весёлой оперетты) „Весёлые ребята“ японская цензура вырезала эпизод с показом стада домашних животных в „совхозе“ со следующей мотивировкой:

1) [Нужно] убрать название козла „секретарь“, ибо секретарь – важная персона в чиновничьем аппарате, поэтому цензура не может допустить издевательства над чиновниками; 2) Нужно [убрать] название другого козла „бюрократ“, ибо это неуместный намёк на роль бюрократии в японском [государственном] аппарате.

Далее в сцене, где одна певица для улучшения голоса разбивала яйца о бюст Бетховена, цензор потребовал убрать из ленты этот бюст, полагая, что это скульптурное изображение какого-то императора (ведь не станет же советской фильм издеваться над каким-то композитором). Чтобы доказать, что в данном случае нет ниспровержения монархического принципа, нашей стороне понадобилось представить фотографию Людвига ван Бетховена»⁹.

Иногда ради дополнительного барыша местная администрация не препятствовала демонстрации популярных советских фильмов. Об этом свидетельствует приводимая ниже запись из дневника управляющего советским консульством в Мукдене Н.Г. Ерофеева (от 9 сентября 1934 г.):

«Сегодня при очень многочисленном посещении местного кино демонстрировалась [советская] лента: „Путёвка в жизнь“. Сбор был в три раза выше, чем при показе самых лучших „боевиков“ заграничного производства»¹⁰.

С продажей в марте 1935 г. КВЖД Японии и передачей управления этой дороги Маньчжоу-го резко ухудшилось экономическое положение не только российской эмиграции в Маньчжурии, но и европейских коммерсантов в Харбине. Об этом свидетельствует, например, приводимое ниже письмо советского консула М.М. Славущего от 30 июля 1935 г. из Харбина на имя замнаркома НКВД Б.С. Стомонякова:

«Торговля европейских магазинов замерла. Был богатым для этих магазинов лишь момент эвакуации [после уступки КВЖД] железнодорожников, когда они [перед отъездом в СССР] делали огромные покупки. Теперь всё это уже в прошлом. *Европейские и русские коммерсанты понимают, что для их деятельности здесь нет перспектив.* Для иллюстрации приведу Вам в качестве примера выдержку из сегодняшней газеты „Рупор“, из рубрики „Коммерческий Харбин“. [Некто] „Старый коммерсант“ помещает в ней свою статью-письмо, в которой заявляет:

„Что мы наблюдаем в настоящее время в местной торгово-промышленной русской среде? Не будем закрывать глаза на факты и будем правдивы. Мы наблюдаем уныние, некоторый трепет [страх] перед будущим. Причины ясны: с отъездом большой группы сов. граждан, отъездом, правда временно, сильно оживившим торговлю, мы справедливо ждём сокращения ёмкости потребительского рынка. Рядом с этим мы замечаем обострение борьбы за потребителя, увеличение налогового обложения“.

Всё это, говоря простым русским языком, – резюмирует консул, – заставило русского коммерсанта несколько „пригорюниться“. Многие готовы опустить руки и предоставить всё на волю божию... И это пишется здесь при наличии жёсткой цензуры и открытой белоэмигрантской организации, [находящейся] на японской службе в лице „эмигрантского бюро“ [БРЭМ] и фашистов, которые ставят в строку каждому инакомыслящему лицу его высказывание, не носящее характера восхваления маньчжурского рая, созданного [на принципах *ван-дао*] японцами»¹¹.

Важным мероприятием в установлении более жёсткого японского контроля над российской эмиграцией стало создание под видом общественной организации «Бюро русских эмигрантов в Маньчжоу-го». Она была узаконена приказом министра внутренних дел Маньчжоу-го от 28 декабря 1934 г., последовавшим на ходатайство генерала Рычкова, лично поддержанного атаманом Семёновым. Весьма

симптоматичным представляется тот факт, что через два месяца после передачи КВЖД местным властям по настоянию японской военной миссии и по рекомендации БРЭМ на эту дорогу было зачислено 1 тыс. русских, в том числе 300 чел. в качестве полицейских¹².

Продажа КВЖД обернулась трагедией для многих россиян, в том числе советских граждан, потерявших верный заработок и сносные условия повседневного быта. Говоря о намерении нового владельца (немца) крупнейшей русской торговой фирмы «Чурин и К^о» уволить с передачей КВЖД Маньчжоу-го сов. граждан, М.М. Славуцкий 23 ноября 1935 г. сообщал Б.С. Стомонякову:

«В связи с этим наша колония продолжает таять. Большинство собирается в Союз. Часть выезжает в Тяньцзинь, Шанхай.

В таких пунктах, как Пограничная, Цицикар осталось несколько десятков чел. По Харбину перерегистрировались 2500 граждан»¹³.

Чтобы примерно представить численность уезжавших из Харбина на юг, в Китай рабочих, в том числе россиян, газета *Гунбао* (от 11 марта 1931 г.) называла главную причину сокращения рабочей силы: «Создавшееся затруднительное экономическое положение заставляет харбинцев искать новых путей заработка, и в последнее время в связи с этим среди жителей Харбина наблюдается тяга отъезда в Шанхай... По приблизительным подсчётам, из Харбина в Шанхай в течение каждого месяца уезжает до 200 чел.»

«Сейчас положение, – сообщал М. Славуцкий в упомянутом выше письме, – меняется даже в самих русских магазинах: туда нужны приказчики со знанием японского языка, т.к. японские магазины начинают вытеснять европейские. Мне на днях один коммерсант рассказывал о настроениях так наз. Китайской улицы. (Это – главная торговая европейская улица в Харбине.) По словам этого коммерсанта, абсолютное большинство владельцев магазинов уже решили выехать отсюда на юг, в Китай, но они не могут это совершить, ибо некому продать свои магазины. Ожидается, что после Нового года большое число европейских магазинов будет закрыто. Это же означает дальнейшее ухудшение положения эмигрантов».

Отмечая, что политическое положение россиян-эмигрантов, несмотря на широковещательные обещания властей, не улучшается, М.М. Славуцкий при этом уточнял: «Я имею в виду ту часть эмиграции, которая не связана с [атаманом] Семёновым и которая не желает входить в его организации... Японцы всё более подозрительно относятся ко всем эмигрантам, не связанным с Семёновым»¹⁴.

Опуская подробности празднования «Дня русской культуры» в Харбине в последующие три года после захвата Маньчжурии Японией осенью 1931 г. (см.: Приложение), отметим, что приезд Н.К. Рериха со своим старшим сыном (Юрием Николаевичем) в Харбин летом 1934 г. совпал с трудным для местной русской интеллигенции временем, вызванным предстоящей продажей КВЖД и новыми экономическими трудностями, которые сопровождались ростом безработицы среди эмигрантов и произволом новых властей, действовавших по указке японских советников.

По поводу острой безработицы, охватившей население Харбина, газета *Гунбао* 28 мая 1931 г. приводила такие сведения:

«По данным контор по найму служащих в Харбине имеется более 3 тыс. русских безработных по всевозможным специальностям. Особенно много безработных... среди конторских, канцелярских работников... Столь большой рост безработицы объясняется главным образом депрессией».

О негативном влиянии мирового кризиса на экономику Харбина и, в частности, на работу городского транспорта позволяет судить приводимая ниже заметка, появившаяся 17 декабря 1931 г. в местной газете *Гунбао*:

«Депрессия, докатившаяся и до Харбина, коснулась всех отраслей городской жизни и не миновала автобусного движения... Количество пассажиров уменьшилось до 30%, и теперь можно наблюдать массу пассажиров, которые пешком движутся параллельно [маршрутным] линиям автобусов, экономя самые незначительные суммы...»

Раньше городская линия движения автобусов ежедневно давала до 40 долларов выручки, а теперь выручка даже в воскресные дни не превышает 25–27 долларов. Это побуждает администрацию Общества [владельцев автобусов] ежедневно оставлять без работы до 25% общего количества машин».

После поездки Н.К. Рериха с научной экспедицией в Барим и возвращения его в Харбин с богатой коллекцией сельскохозяйственных полевых растений, 5 сентября 1934 г. в гимназии им. Ф.М. Достоевского состоялось собрание харбинской общественности в связи с учреждением Комитета Пакта Рериха. Помимо членов семьи Рерихов (Николая Константиновича, Владимира Константиновича, проживавшего в Харбине, и Юрия Николаевича) в собрании приняли участие видные представители местного русского духовенства и российской интеллигенции, связанной службой на КВЖД и вузами. Среди последних особенно выделялись профессора Э.Э. Анерт (лично

известный Вернадскому), Г.К. Гинс, Н.И. Никифоров, китаисты А.П. Хионин, Г.А. Софоклов и др.

В своём докладе перед харбинской общественностью Н.К. Рерих подробно осветил миротворческую деятельность своего музея в Нью-Йорке, который ещё летом 1929 г. предложил план международного сотрудничества в деле охраны памятников искусства. Рассказав о принципах поддержания международного мира ради сохранения сокровищ искусства и науки под «Знаменем мира» (в виде трёх шаров в середине круга на белом фоне), известный художник и общественный деятель в своей речи, в частности, заявил: «Ныне стало особенно необходимо принять немедленные меры [к тому], чтобы сохранить великолепное наследие нашего прошлого для славного потомства. И это может состояться только [в том случае], если все государства поручатся сохранять творения культуры, которые всё же по существу принадлежат не одной какой-либо нации, а всему миру»¹⁵.

В ходе обмена мнениями по докладу Н.К. Рериха с небольшой речью о значении Пакта Рериха выступил известный в Харбине журналист Всеволод Иванов, высказавший ряд соображений по поводу связей религии с искусством и особой роли творческой интеллигенции в жизни общества. Чтобы лучше представить характер выступления этого журналиста, достаточно обратиться к его нижеследующим выводам: «Религия, несмотря на все нападки, которые приходится слышать на неё, – есть реальное прикосновение к „мирам иным“, к мирам сущности. Оттуда, из этих горних миров исходит откровение, дающее человечеству новые перспективы, новые надежды, созидающие человеческую культуру».

После выборов руководящего состава учреждённого Комитета Пакта Рериха в Харбине в него вошли архиепископ Нестор (в качестве Почётного председателя), Н.Л. Гондатти (Председатель), Г.К. Гинс (его заместитель) и Владимир Константинович Рерих, принявший на себя обязанности секретаря.

Организационное заседание, посвящённое созданию в Харбине местного Комитета Пакта Рериха, позволило Юрию Николаевичу Рериху ближе познакомиться с харбинскими востоковедами, среди которых его наиболее привлекали знатоки китайского языка. О характере научных занятий Ю.Н. Рериха в Харбине позволяет судить, например, письмо китаиста И.Г. Баранова от 15 января 1935 г., адресованное акад. В.М. Алексееву. Сообщая о присуждении преподавателю китайского языка С.Н. Усову звания приват-доцента после прочтения им лекции о принципах учения «Ван-дао» – доктрины Маньчжоу-го о справедливом правителе (Пу И), И.Г. Баранов в том же письме поделился такими новостями в жизни Юридического факультета: «В

первый семестр несколько интересных лекций по географии и истории Средней [Центральной] Азии, а также Тибета прочитал проф. [Ю.Н.] Рерих (сын художника [Н.К.] Рериха), директора Гималайского института. В настоящее время он и отец уехали в Пекин, а от туда должны были направиться в Чахар (Внутреннюю Монголию) для ознакомления с ламаистскими монастырями. Рерих-сын увлекается тибетской медициной и собирает лекарственные травы, а также тибетскую и монгольскую литературу о лечении болезней. Месяца через два путешественники намеревались снова быть в Харбине. Рерих-сын, кажется, приступил к изучению китайского разговорного языка. Деньги у них – американские. В этом отношении они редкие счастливые люди, потому что теперь здесь замечается всеобщее обеднение. Люди принуждены более работать из-за хлеба насущного, чем работать для чистой науки»¹⁶.

О том, что Ю.Н. Рерих интересовался китайским языком, может служить сохранившийся в его личной библиотеке «Новейший китайско-русский словарь», составленный известным востоковедом А.П. Хиониным и изданный на средства КВЖД в Харбине в двух томах в 1928 и 1930 гг. Над предисловием к первому тому, в правом углу листа имеется оставленный чёрными чернилами автограф составителя словаря: «Ю.Н. Рериху на добрую память от автора. Ал. Хионин. 4 июня 1934 г.»

Пребывание Рерихов в Харбине не прошло бесследно. Старшему из них была посвящена статья М. Шмидта под названием «Религиозное творчество акад. Н.К. Рериха» с подзаголовком «Драгоценный вклад великого художника в русское храмостроительство». Она была издана местной типографией «Заря» в виде брошюры¹⁷.

Учреждение прояпонского режима, ориентированного на подавление демократических свобод и усиление полицейского надзора, негативно сказалось на положении русского населения в зоне КВЖД, в том числе научной интеллигенции, состоявшей главным образом из преподавателей вузов и сотрудников просветительных учреждений. Хотя в Харбине издавна функционировал японский торговый музей, привлекавший к своей работе некоторых россиян-экономистов, существовал русско-японский институт с трёхгодичным сроком обучения и был открыт японцами Институт по изучению Маньчжурии, положение россиян-востоковедов, в том числе преподавателей китайского языка на КВЖД, оставалось нестабильным из-за возрастающей ориентации властей Маньчжоу-го на Японию и её духовные ценности.

Серьёзным потрясением, вызвавшим крушение последних надежд на лучшую жизнь для подавляющего большинства русского

населения Харбина и других городов в зоне КВЖД стала уступка в марте 1935 г. советским правительством Маньчжоу-го (фактически Японии) за мизерную плату своих прав на эту железнодорожную магистраль, кормившую в течение более 30 лет не только россиян, но и сотни тысяч китайских рабочих и служащих. Из-за возросших проблем с получением работы и жилья, а также прогрессирующего роста дороговизны на предметы первой необходимости многие россияне, в том числе представители интеллигенции, начали покидать Харбин в поисках лучшей доли и сносного заработка. С оттоком работоспособного населения, в том числе представителей творческой интеллигенции, заметно изменился прежний облик ранее чрезвычайно оживлённого и делового русского города на Сунгари. Об этом свидетельствует корреспонденция из Харбина от 2 мая 1936 г., появившаяся в шанхайской газете «Русский авангард» через шесть дней. Её автор, в частности, сообщал: «После шестилетнего отсутствия я снова в родном городе, ныне чужом и холодном Харбине. Смотришь на Харбин и удивляешься, как за эти несколько лет из чисто русского города он превратился в город, имеющий лик Дайрена (бывш. г. Дальний) и Сеула. Куда девался русский быт и нравы, даже бывшие русские, находящиеся на службе в полиции, стали чужими, жестокими материалистами. Чтобы получить какое-либо разрешение, везде нужно платить налоги и давать на „чай“. Странно, что даже в эмигрантском бюро [БРЭМ. – А.Х.] без этого не обходятся. Русские магазины пустеют и большая часть их закрыта. На их месте бойко торгуют японские новенькие магазинчики. Население стонет от налогов, которые берутся решительно за всё. Улицы Харбина пусты».

Под влиянием наплыва японцев и прояпонской ориентации правительства Маньчжоу-го резко изменилась языковая ситуация в Харбине. Если раньше местные китайские власти в большей или меньшей степени поощряли изучение россиянами китайского языка, особенно на КВЖД, то администрация Маньчжоу-го активно стремилась к насаждению японского языка, считая его обязательным не только для своих чиновников, но и обычных россиян, находившихся на государственной службе и, в частности, на бывшей КВЖД. 18 апреля 1935 г. прояпонская газета «Харбинское время», выходящая при поддержке японских военных кругов, опубликовала статью под названием «Знание японского языка обязательно». Такая языковая ситуация в Харбине была характерна для всей Маньчжурии, ставшей главной опорной базой Японии в период японо-китайской войны 1937–1945 гг.

Приложение

1. *Объявление* (печ.)

«Харбинское коммерческое собрание

7 июня 1934 г.

Вечер русской культуры, организуемый академической группой.

Программа:

Отделение I

1. Вступительное слово Председателя. Проф. Г.К. Гинс. Характерные черты русской культуры.
2. Академик Н.К. Рерих. Пантеон Русской Культуры.
3. Доцент В.Н. Иванов. Творчество Н.В. Гоголя.
4. Проф. Н.И. Никифоров. Киевский университет Св. Владимира и его значение в истории Русской Культуры (по поводу столетия его существования).

Отделение II

Музыкально-вокальные выступления.

Участвуют: Г.А. Ачаир-Добротворская, С.К. Бабушкина, Д.М. Елькина, З.И. Казакова, Е.И. Михайлова, гг. Доброжанский, Сигизмунд Моравский, Нежин и др.

Отделение III

1. Доклад свободного художника В.М. Анастасьева. В.В. Верещагин (с демонстрацией картин художника на экране).
 2. Демонстрирование картин акад. Н.К. Рериха.
- Начало в 8 час. 30 мин. веч.
Тип. Лемберг».

2. *Пригласительный билет* (печ.)

«Почётный билет

на Вечер Русской культуры,
организуемый академической группой с участием
акад. Н.К. Рерих
7го июня 1934 г.

Начало в 8^{1/2} часов веч.

Зал Коммерческого собрания».

Международный музей им. Н.К. Рериха. Отдел рукописей, ф. 1,
ед. хр. 11069, л. 1, 2.

Примечания

¹ «День русской культуры». Однодневный выпуск, посвященный празднованию «Дня русской культуры». Харбин, 15 июня 1930 г. (Экземпляр парижской библиотеки И.С. Тургенева).

² «День русской культуры». Издание Харбинского комитета помощи русским беженцам. 8 июня 1931 г.

³ К сказанному следует сделать небольшое дополнение об авторе указанных строк: он – автор сериала статей по истории русской музыки в России, о чём свидетельствуют его 4-й очерк, посвящённый творчеству Метнера и С.И. Танеева и 5-й очерк о творчестве композитора А.Н. Скрябина, опубликованные 11 февраля и соответственно 1 марта 1931 г. в *Гунбао*.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 0100 (Референтура по Китаю), 1933, д. 6, папка 32, с. 4.

⁵ Там же, оп. 17, д. 15, папка 33, л. 19.

⁶ Там же, 1932, оп. 16, д. 12, папка 31, л. 72.

⁷ Там же, 1933, д. 6, папка 32, л. 119.

⁸ Там же, 1932, оп. 16, д. 13, папка 31, с. 259.

⁹ Там же, 1935, оп. 2, д. 11, папка 11, л. 10.

¹⁰ АВП РФ, ф. 0100-б, 1934, оп. 4, д. 4, папка 101, л. 106.

¹¹ Там же, 1935, оп. 5, папка 104, д. 2, л. 94–93.

¹² Там же, л. 92.

¹³ Там же, оп. 2, д. 11, папка 11, л. 145.

¹⁴ Там же, л. 142.

¹⁵ См.: *Хохлов А.Н.* Рерихи в Харбине в 1934 г. (по архивным и опубликованным материалам) // В поисках «китайского чуда». Сборник статей, посвящённый 80-летию Ю.В. Чудодеева. М., ИВ РАН, 2011, с. 401.

¹⁶ Там же, с. 403.

¹⁷ Не обошлось без злонамеренного выпада в адрес Н.К. Рериха со стороны его завистников, что нашло своё отражение в статье Олега Громова «Единый фронт эмигрантской общественности», опубликованной в газете *Гунбао* 30 января 1935 г. (№ 2585, с. 5), где было сказано:

«Вчера в Русском клубе [состоялся] официальный банкет, данный «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-ди-го» представителям всех эмигрантских организаций Великого Харбина и представителям газет на русском языке...

Блестящую речь произнёс председатель русской национальной общины В.Ф. Иванов. Начав со значения [организации] Бюро, В.Ф. Иванов заявил, что Бюро [БРЭМ] должно поставить перед собою цель произвести отбор даже [наиболее благонадёжной] эмиграции. В её составе имеются люди гораздо более вредные по своей разлагающей роли, нежели коммунисты. Какой-нибудь академик Рерих гораздо более вреден для русских, нежели мужик Рудый [Управляющий КВЖД], посаженный Москвой управлять дорогой и „раскулачивать“ советских граждан».